В.П. ЛЮБИН

ИСТОРИЯ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Рецензия на кн.: *Винклер Г.А. Веймар, 1918–1933: История первой немецкой демократии.* – М.: РОССПЭН, 2013. – 878 с. (Реферат)

Генрих Аугуст Винклер – ведущий историк современной Германии, именно он стал автором раздела по германской истории в справочнике МИД ФРГ «Германия. Факты». После воссоединения страны Винклер на протяжении многих лет – с 1991 по 2007 г. – профессор Берлинского Гумбольдт-университета. Он – автор крупной двухтомной монографии по немецкой истории XX в. с многозначительным названием: «Долгий путь на Запад». В разделившем немецкую историческую науку на два лагеря знаменитом «споре историков», а на самом деле всех обществоведов, начатом в 1986 г. Э. Нольте и Ю. Хабермасом, Винклер принадлежит к сторонникам Хабермаса.

В 1993 г. вышла монография «Веймар 1918–1933: История первой немецкой демократии», получившая широкий резонанс в немецких общественных дискуссиях. Спустя 20 лет книга вышла на русском языке. В ней автор пытается дать ответ на важнейший вопрос германской истории XX в.: почему был допущен приход Гитлера к власти в 1933 г.? Книга, отчет времени в которой начинается с краха «Второй» Германской империи – Германского рейха 1871–1918 гг., посвящена истории образовавшегося на ее развалах первого немецкого демократического государства – Веймарской республики. В центре исследования находятся такие категории одновременно исторической и политической наук, как возможности и

пределы действий властных элит, роль политических партий и поведение народных масс, альтернативы исторического развития.

Немногие главы немецкой истории вызывают столь бурные дискуссии, как 14 лет между Германской империей и «Третьим рейхом», замечает Винклер. То, что последовало вслед за Веймаром, было столь ужасно, что мы должны причислить падение первой немецкой республики к «величайшим катастрофам XX века», – считает автор.

Вопрос о причинах крушения республики неразрывно связан с проблемой свободы действий и альтернатив: насколько открытыми были в прошлом ситуации выбора? Ответ можно найти, если только мы подойдем к изучению нашей темы, максимально опираясь на источники, – настолько, насколько это вообще возможно. Данная книга задумана не в качестве энциклопедии, а как история определенной проблемы. Веймар был не только предысторией «Третьего рейха», но и продолжением истории Германской империи. Они неотделимы друг от друга, но Веймар не растворяется в них. Веймар был для немцев шансом учиться парламентской демократии, и он стал предысторией для «старой» ФРГ (имеется в виду «Боннская республика». – *В.Л.*) – второго периода ученичества немцев демократии (с. 11).

Цитируя в первой главе высказывания Э. Бернштейна о современной ему Германии 1921 г. (основной тезис Бернштейна: Германия не была готова к радикальному обновлению, поскольку, с одной стороны, была слишком развита индустриально, а с другой – слишком демократична), Винклер обращается и к мнениям других современников. В том же духе, пишет он, высказывался в 1920 г. Х. Штрёбель, представитель правого крыла независимых социал-демократов: «Диктатура советов и немедленная полная социализация были в Германии абсолютно исключены» (с. 14).

Факт принадлежности Германии к высокоразвитым промышленным странам с самого начала очертил границы революции. Вместе с тем именно индустриализация стала предпосылкой для революции, состоявшейся в 1918–1919 гг. Противоречие между прогрессивным общественным состоянием и отсталой политической системой погрузило страну в долгосрочный кризис задолго до 1914 г. Не будь этого противоречия, дело никогда не дошло бы до попытки революционного разрешения кризиса (с. 15).

Книга состоит из предисловия к русскому изданию, предисловия к немецкому изданию, 18 глав и заключения. Автор анализирует главные события истории Веймарской республики, проблемы при ее создании в 1919 г., борьбу с противниками в первой половине 20-х годов, ее угасание и закат в начале 30-х годов. Рассмотрена особая роль Пруссии в данный период.

В написанном автором в 2011 г. для русского издания предисловии «Учиться на опыте Веймара» автор, может быть, и сам того не подозревая, включается в острую полемику, звучавшую в российском общественном дискурсе на рубеже XX–XXI вв. Тогда многие обществоведы, начиная с давно эмигрировавшего в США выпускника МГУ, историка А. Янова, предупреждали, что Россия вот-вот впадет в ту полосу развития, которая в Германии обозначала крах Веймарской республики и приход к власти нацизма. Подобными выдвинутыми Яновым и его сторонниками научнообразными аргументами, по сути дела, был спровоцирован и «спор» ученых теперь уже в России. Звучали самые разнообразные мнения и точки зрения на историю, настоящее и будущее России: от обозначенной цитатой из Пастернака пессимистической «полной гибели всерьез» до успокоительных заявлений, что страна на правильном пути и черты авторитаризма, все более приобретаемые в начале XXI в. новым российским государством, вполне сравнимы с тем, что происходило в ходе становления молодых демократий где-нибудь в Южной Корее, Сингапуре и т.п., что России надо сначала пройти подобный путь консолидации, прежде чем она встанет на уровень развивавшихся несравнимо более длительное время западных демократий. Об этом же в последние десятилетия не прекращались дискуссии в Италии и Германии, но политики и ученые, участвовавшие в них, признают, что в этих странах демократия не развивалась с уровня *tabula rasa*, после 1945 г. демократия там получила новое развитие и укрепилась так, что нет никакой угрозы ее ликвидации. Рецензируемая книга Винклера вносит свой заметный вклад в эту научную дискуссию на Западе.

Винклер подчеркивает, что в его книге речь идет о «предыстории катастрофы всемирно-исторического масштаба: о гибели первой немецкой демократии, Веймарской республики, и ее смене диктатурой Гитлера». «Хотя 30 января 1933 г. – день, в который Адольф Гитлер был назначен канцлером, выступает финалом по-

вестования, это еще не означает, что такой конец истории Веймарской республики был предопределен» (с. 6).

«Веймарской республике, – продолжает автор, – так никогда и не удалось выйти из тени поражения Германии в Первой мировой войне, которому она была обязана своим возникновением. Когда Германская империя в октябре 1918 г. трансформировалась из конституционной монархии в парламентскую, это была ее далеко не первая, но последняя уступка идее демократии». Далее следует комплимент предыдущему германскому рейху: «С момента образования империи в 1871 г. все ее взрослое мужское население при выборах депутатов рейхстага пользовалось всеобщим и равным избирательным правом». Но все же «до октября 1918 г. в Германии не было правительства, ответственного перед парламентом». И переходя к периоду Веймарской республики, Винклер замечает: «Запоздалая конституционная реформа должна была смягчить западные демократии, победившие в войне, по отношению к побежденной Германии. Это ожидание так и не оправдалось, в том числе и потому, что Германия упорно отказывалась признать свою главную роль в развязывании Первой мировой войны».

Новая немецкая демократия безоговорочно признала темные пятна германской истории. Она осудила античеловеческие преступления нацистского режима и истово старается привнести в сознание новых поколений чувство вины и покаяния, с тем чтобы не допустить повторения таких ошибок. Этот процесс получил в общественном дискурсе обозначение, едва ли известное и употребляемое где-либо еще, – «преодоление прошлого» (*Vergangenheitsbewältigung*).

Историческое исследование Винклера, безупречно выполненное по всем канонам передовой современной историографии, призвано дать ответы на звучащие в этой полемике на национальном и выходящем за его пределы мировом уровне вопросы. Достаточно вспомнить, что только в немецкой историографии помимо книги Винклера в самое последнее время на ту же тему – история веймарского периода – созданы и другие фундаментальные труды. Назовем хотя бы два из них: монография известного историка, директора немецкого Института современной истории, профессора Хорста Мёллера, долгое время являющегося сопредседателем Российско-германской исторической комиссии (так как его книга не-

давно также опубликована на русском языке, наш читатель без труда может составить себе представление о его подходах, которые по сути близки к подходам автора рецензируемой монографии); и монография старейшего немецкого историка, или, скорее, как и сам он считает, философа истории Эрнста Нольте, взгляды которого разнятся с теми, что высказаны авторами двух других книг о Веймарской республике. Работа Винклера отличается от двух названных тем, что автор опирается на максимально помещающееся в подобной монографии число исторических источников и постоянно сопоставляет собственные взгляды со взглядами ученых и политиков, своих современников и предшественников.

Разновременная демократизация Германии – раннее введение демократического избирательного права, поздняя парламентаризация – наложила отпечаток на ход немецкой истории после 1918 г., пишет Винклер. Поскольку Германия к концу Первой мировой войны уже была частично демократической страной, в 1918–1919 гг. речь могла идти только о бóльшей степени демократии: о введении избирательного права для женщин, демократизации избирательного права в федеральных землях, округах, городах и общинах в интересах полного осуществления принципа парламентской ответственности власть имущих. Именно по этой причине немецкая революция 1918–1919 гг. не относится к великим или «классическим» революциям мировой истории.

Политика «*tabula rasa*» – радикального общественного переворота, который пережили Франция после 1789 г. и, в высшей степени иным образом, Россия после 1917 г., отнюдь не была реальной и уж ни в коем случае ответственной альтернативой той политике, которую немецкая социал-демократия (заметим здесь, что в 2013 г. партии немецких социал-демократов СДПГ исполняется 150 лет. – *В.Л.*) осуществляла с момента падения монархии в ноябре 1918 г. Без готовности к «классовому компромиссу», договоренности между умеренными силами рабочего класса и буржуазии парламентская демократия Веймара вообще не могла бы существовать. Социал-демократы действовали так, чтобы уберечь Германию от всеобщего хаоса и кровавой гражданской войны по образу и подобию России. Подавляющее большинство немцев придерживались того же мнения, что и влиятельные политики СДПГ Ф. Эберт и Ф. Шейдеман.

Общественная поддержка политики компромисса была сильна в 1918–1919 гг., однако в июне 1920 г. в ходе первых выборов в рейхстаг три партии, которые в 1919 г. совместными усилиями добились принятия Веймарской имперской конституции, утратили большинство в парламенте. Еще одним судьбоносным следствием поражения «Веймарских партий» стали первые прямые выборы рейхспрезидента весной 1925 г., результаты которых ознаменовали начало консервативной трансформации Веймарской республики. Спустя пять лет, в марте 1930 г., прекратило свое существование последнее правительство парламентского большинства – кабинет Большой коалиции с представителями партий широкого спектра.

Поражение парламентской демократии дало мощный импульс наиболее радикальным противникам Веймарской системы справа и слева: национал-социалистам даже в еще большей мере, чем коммунистам. Гитлер стал главным благоприобретателем разновременности немецкого процесса демократизации. С одной стороны, он мог апеллировать к узаконенному еще со времен Бисмарка притязанию народа на участие в управлении государством в форме всеобщего избирательного права, поскольку в полуавторитарной системе президентских правительств позднего Веймара это право все больше сводилось к фикции. С другой стороны, он использовал широко распространенную неприязнь в отношении западной демократии, якобы «ненемецкой» формы государственного устройства, которую страны-победительницы навязали побежденным немцам в 1918 г., чтобы воспрепятствовать их возрождению.

Гитлер пришел к власти не в результате триумфальной победы на выборах, но без его больших электоральных успехов он никогда бы не стал рейхсканцлером. Решающую роль в назначении лидера самой большой политической партии рейхсканцлером сыграло влияние «старых властных элит». Гитлер должен был в качестве младшего партнера консерваторов, старого властного слоя кайзеровской империи, обеспечить им поддержку «национально» настроенных масс и гарантировать их господство. Однако новый канцлер и не думал о том, чтобы оправдать возложенные на него ожидания. В январе 1933 г. закончилась не только короткая история первой немецкой демократии. Национал-социалисты после своего прихода к власти последовательно порвали и со старыми

традициями немецкого правового государства. Диктатура Гитлера знаменовала собой апогей отторжения немцами нормативного проекта Запада – идей Американской революции 1776 г. и Французской революции 1789 г.

В культурном плане Германия всегда была частью Запада. Однако традиционные элиты Германии остались невосприимчивы к политическим следствиям Просвещения: представления о неотъемлемых правах человека, идеи народного суверенитета и представительной демократии не укоренились здесь до 1918 г. Когда же они с опозданием утвердились в Германии, это произошло под знаком военной катастрофы, дискредитировавшей эти ценности в глазах многих немцев.

Потребовалось еще более тяжелое поражение – крушение Германского рейха в 1945 г., – чтобы начался процесс глубокого изменения взглядов. В западной части Германии, где оккупационные силы дали немцам возможность самостоятельно извлечь урок демократии из гибели Веймара, этот шанс был использован: Конституция ФРГ 1949 г. представляет собой ответ на все то, что в Конституции 1919 г. невольно внесло свой вклад в крушение первой немецкой демократии.

1918–1933 гг. преподали политический урок не только немцам. На конкретном примере они показывают, что демократия – это больше, чем просто господство большинства. Во времена кризисов демократия может отстоять свои позиции, только если она располагает работоспособными институтами. Их задача в том, чтобы воспрепятствовать политическому злоупотреблению властью, в том числе большинством граждан. Однако прежде всего демократия предполагает наличие широкого и глубокого конституционного консенсуса, «конституционного патриотизма», включающего убеждение, что основные ценности демократической конституции, во главе с идеями неотъемлемых прав человека, господства закона, разделения властей и представительной демократии, стоят того, чтобы их защищать. Там, где элиты и большинство населения не разделяют это убеждение, даже самая демократическая конституция не в силах оказать позитивное воздействие. Тот, кто хочет учиться на опыте Веймара, должен принять этот вывод в расчет, заключает Винклер (с. 7–9).

В заключении «Место Веймара в немецкой истории» автор пишет, что 30 января 1933 г. стало поворотным моментом мировой истории. С приходом Гитлера к власти закончился не только период существования первой немецкой республики. Германия перестала быть тем, чем она была уже задолго до 1918 г., – правовым и конституционным государством. Ему наследовала система бесправия, разрушительная политика которой с неумолимой внутренней логикой завершилась самоуничтожением. Так как немцам не удалось самим освободиться от господства Гитлера, его гибель означала также конец первого, созданного Бисмарком, национального немецкого государства. «Третий рейх», приводит автор слова Ф. Майнеке, стал «немецкой катастрофой» (здесь повторен вывод, прозвучавший в начале книги) (с. 754).

Впоследствии Веймар продолжал служить политической системой координат обоим немецким государствам, причем и ФРГ, и ГДР подчеркивали отсутствие преемственности. Между тем историческая наука Запада установила, что у первой республики были также и достижения, главным образом в сферах социальной политики, новой жилищной культуры и реформы образования, определив и позитивные линии преемственности. Однако перед лицом краха республики нельзя написать историю успеха, можно дать лишь более взвешенный, но в целом негативный исторический приговор.

До объединения двух немецких государств в 1990 г. время существования первой немецкой республики было единственной фазой немецкой истории, в ходе которой Германия одновременно была и республикой, и национальным государством. Новая федеративная республика снова является демократией и – хотя и не классическим, а интегрированным в Европу и Североатлантический блок – национальным государством.

Тем самым Веймарская республика больше не является лишь предысторией «Третьего рейха» и противоположностью двум своим государствам-преемникам (ФРГ и ГДР), но выступает как в негативном, так и в позитивном плане предтечей второй общенемецкой демократии. Однако в отличие от Веймара новая федеративная республика больше не представляет собой неумелую демократию. Теперь у нее в багаже не только ученические годы Веймара, но и более успешный опыт Бонна. Обе эти главы в ее ис-

тории образуют тот фундамент, на котором продолжает строиться демократия объединенной Германии, справедливо утверждает немецкий историк (с. 757–758).

В заключение отметим, что объемистая книга Винклера представляет собой успешное исследование важной составляющей части германской истории XX в. Намерение автора объяснить происходившее, показать на этом плачевном примере другим, как правящим политикам нельзя доводить дело до подобной национальной катастрофы, успешно выполнено. Монография стала одним из лучших трудов по данной тематике.

В.П. Любин